

Гиль О. Л.
O. L. Giel

РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ» NON-FICTION ELEMENTS IN WILLIAM STRYTON'S NOVEL "SOPHIE'S CHOICE"

Гиль Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: Kafedra-2006@mail.ru.

Ms. Olga L. Giel – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Literatures, Omsk State Pedagogical University (Russia, city of Omsk); 644099, Omsk, 4a/2 Partisanskaya street. E-mail: Kafedra-2006@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь документа и художественной литературы в романе У. Стайрона «Выбор Софи». События в романе представлены через призму видения начинающего писателя Стинго, подружившегося с евреем Натаном и польской эмигранткой Софи, бывшей узницей Освенцима (Аушвица). При создании книги Стайрон опирался на множество документальных свидетельств. Предмет интереса автора данной работы – роль документа в романе Стайрона.

Summary. The paper studies the relation of documentary elements and fiction in the novel “Sophie’s Choice” by William Styron. The story is told by a young writer Stingo who becomes a friend with a Jew called Nathan and a Polish refugee girl Sophie – survivor of the Oświęcim (Auschwitz) concentration camp. Styron wrote the novel on the basis of many documents. The influence of real life documents on the novel is studied in this paper.

Ключевые слова: американская проза, документальная литература, художественная литература, вторая мировая война, нацизм, Освенцим (Аушвиц), выбор, ответственность.

Key words: american prose, non-fiction, belles-lettres, II World War, Nazism, Oświęcim (Auschwitz), choice, responsibility.

УДК 82(73)

Роман американского прозаика Уильяма Стайрона (William Styron, 1925–2006) «Выбор Софи» (Sophie’s Choice, 1979), неоднократно переиздававшийся в США, входит в Гарвардский список «Сто лучших романов XX века» и «Оксфордский путеводитель по американской литературе». Интерес к этому произведению был поддержан (и поддерживается по сей день) благодаря снятому в 1982 г. одноименному фильму, удостоившемуся целого ряда наград. Ключевой темой романа и фильма стала история человека, чья жизнь оказалась изуродованной самой страшной войной XX в. Внимание читателей и зрителей приковывает к себе судьба женщины, прошедшей через Освенцим.

Стайрон был одним из тех писателей, кто избирает предметом разговора с читателем далеко не легкие темы, кто стремится понять психологию своих героев, пропуская их истории через свою душу, кто способен рассказать о трагедии личности так, чтобы ни один читатель не остался равнодушным. Стайрона интересовали неординарные события, в которых он, однако, видел проявление глубочайших закономерностей. «Как писателя меня всегда привлекали мрачные темы: самоубийство, изнасилование, убийство, армейская жизнь, брак, рабство. <...> я знал, что мое первое произведение будет достаточно мрачным <...>. Ох, какими же вурдалаками способны стать писатели!» [1, 150–152] – констатирует герой книги Стайро-

на, а фактически сам автор, размышляя о том, как были найдены прототипы для его первого романа. И в основе «Выбора Софи» лежит невыдуманная история, до поры до времени гораздо более понятная европейцам, и лишь впоследствии – американцам. Эта разница в восприятии обусловлена неравноценным историческим опытом: в то время как большинством соотечественников писателя вторая мировая воспринимается через призму опыта войны с Японией, Стайрон повествует о том, как Европа сопротивлялась фашизму. И хотя основное действие романа Стайрона датируется 1947 г., хотя персонажи его живут в США, важнейшую роль в повседневной жизни участников трагедии играют воспоминания о недавнем прошлом – недавнем с точки зрения отдельной человеческой жизни, а также с точки зрения истории человечества.

Вместо названий части произведения имеют заглавия «Первое», «Второе», «Третье» и т. д. Таким образом создается впечатление, что автор, придерживаясь определенного плана, последовательно разворачивает тезисы, позволяющие ему проиллюстрировать некую концепцию.

Прототипом героя-повествователя – начинающего писателя-южанина Стинго – стал сам Стайрон, что позволило ему ввести в текст романа различные формы документальной прозы. Иллюзия документальности создается и благодаря тому, что «повзрослевший» Стинго повествует о себе двадцатидвухлетнем и обо всем, что было важным для него в ту пору. Знакомство с героем начинается с его рассказа о том, как он лишился своей «первой и единственной <...> работы за жалованье» [1, 5], и для объяснения причин здесь же вниманию читателей предложен ряд рецензий, созданных Стинго в бытность младшим редактором одного из американских журналов. Важное место в истории повествователя занимают письма его отца: они не только характеризуют взаимоотношения отца и сына, а также их мировосприятие, но и становятся источником важной информации, дают толчок развитию мысли героя и появлению определенных творческих замыслов.

Фрагменты дневника героя-повествователя, образцы его собственных писем делают весьма убедительными воспоминания повзрослевшего Стинго и ту часть романа, в которой предьявлен один из вариантов жизненного пути южанина, где раскрывается его психология. В мечтах Стинго о писательской славе возникают названия и жанры произведений, написанных и опубликованных самим Стайроном к моменту создания «Выбора Софи».

Еще более важную роль документальное начало играет в той части романа, которая теснейшим образом связана с заявленной в его заглавии темой. Трагическая история оказавшейся в США после освобождения из Освенцима красавицы польки Софи, по справедливому мнению Стайрона, может быть по-настоящему понята только в контексте документальных свидетельств того времени. Повествование о развитии отношений Софи и ее любовника – американского еврея Натана, ее рассказ о прошлом, ее ложь, попытка скрыть часть истины и, наконец, подробнейшая исповедь – во многом обязаны своим существованием предпринятым Стайроном попыткам представить целостную картину самой страшной войны XX века. Важное место в романе занимают выдержки из работ исследователей феномена фашизма, воспроизведение основных тезисов предложенных вниманию американцев радиопередач о Нюрнбергском процессе, описание появлявшихся в журналах фотографий нацистских преступников, приговоренных к смертной казни, и демонстрировавшихся в кинотеатрах хроник.

Рассказ о событиях в Польше во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг. писатель вкладывает в уста Софи, которой необходимо кому-то доверить свою историю. Слушателем становится безнадежно влюбленный в Софи Стинго. Именно Софи открывает глаза Стинго на то, что происходило в Польше, о существовании двух «Освенцимов», двух, расположенных неподалеку друг от друга концентрационных лагерей: «В апреле сорок третьего года меня отправили в концентрационный лагерь на юг Польши – он назывался Аушвиц-Биркенау. Это рядом с таким городком – Освенцим. <...> Там, в Освенциме, было два лагеря – один назывался Аушвиц-Освенцим, и несколько километров от него еще был лагерь, который назывался Бжезинка-Биркенау. Между этими лагерями была разница <...>:

Освенцим был для рабочих, рабов, а Бжезинка только для одного – для уничтожения. Когда я вышла из поезда, меня отобрали идти не... не... не в Бжезинку, а в... – <...> Она стала заикаться. Но быстро снова сумела взять себя в руки. – Отобрали идти не в Бжезинку, не в газовые камеры, а в Освенцим, на работы. Это из-за возраста и <...> из-за хорошего здоровья. <...> Когда я туда приехала, всех, кого отбирали на смерть, отправляли в Бжезинку, но очень скоро в Бжезинке стали убивать только евреев» [1, 196–198].

Для понимания феномена Освенцима и иных концентрационных лагерей Стайрон счел важным остановить внимание на фигуре бывшего коменданта лагеря Рудольфа Хесса (Rudolf Höß): «Давайте отвлечемся на минуту и, прежде чем вернуться к Натану и Софи <...>, а также к прочим событиям, поговорим о Хессе. <...> сейчас, пожалуй, самое время рассказать о том, какая среда породила этого современного готического урода» [1, 202].

В романе воспоминания Софи о коменданте концлагеря вызывает опубликованная в одном из американских журналов фотография Хесса «за несколько секунд до последней расплаты. Бывший комендант лагеря стоял в наручниках, худой и небритый, в мятой тюремной робе, с застывшим, как маска лицом, готовясь шагнуть туда, откуда нет возврата. Вокруг его шеи обвивалась петля <...>. Взгляд Софи устремился мимо жалкой фигуры с уже мертвым, отрешенным <...> лицом; она поискала, нашла и затем узнала размытые, но такие знакомые очертания приземистого, закопченного крематория Освенцима» [1, 202–203]. Как известно, виселица для Хесса была намеренно поставлена возле одного из крематориев Освенцима.

Возможность внимательно исследовать психологию нациста Стайрон получил благодаря существованию «Воспоминаний» бывшего коменданта концлагеря, созданных им в польской тюрьме в ожидании смертного приговора [2], показывающих «насколько человеческий ум может быть полон идеей тоталитаризма» [1, 203]. Записки Хесса стали известны писателю благодаря изданной Польским государственным музеем книге «Освенцим глазами СС» [3]. По мнению Стайрона, с текстом «Воспоминаний» должны ознакомиться все «преподаватели философии, священнослужители, <...> все историки, писатели, политические деятели и дипломаты, активисты освободительных движений <...>, юристы, судьи, <...> актеры, кинорежиссеры, журналисты – короче, все, кто хотя бы отдаленно влияет на сознание своих сограждан, в том числе и наши любимые дети, которые уже в восьмом классе считают себя будущими лидерами Америки...» [1, 203]. Признания Хесса, по мнению писателя, позволяют приоткрыть завесу над «подлинной природой зла» [1, 203], совсем не похожей на зло опереточное.

Стремясь понять природу зла и психологию человека, ставшего его орудием, Стайрон ссылается на мнение французского философа и религиозного мыслителя, участницы движения Сопротивления Симоны Вейль (1909–1945) [4]: «Надуманное зло романтично и многообразно, тогда как подлинное зло – мрачно, однотонно, уныло, нудно» [1, 204]. Стайрон акцентирует внимание на том, что Хесс не был не только садистом, но даже просто жестоким человеком. Он был исполнительным и самолюбивым чиновником, одержимым чувством долга, убежденным в том, что служит Третьему рейху и своему народу: «Это был своего рода служебный механизм с вакуумом вместо морали, из которого было высосано все, <...> потому-то чудовищные преступления, которые Хесс ежедневно совершал, часто выглядят в его описаниях чем-то не имеющим отношения или причастности ко злу <...>. А ведь этот робот <...> был воспитан в христианской вере, <...> и угрызения совести, даже раскаяние время от времени нападали на него <...>, вот эта-то уязвимость, что-то человеческое, появляющееся в неумолимом и послушном роботе, делает его мемуары столь поразительными, столь страшными и поучительными» [1, 204].

Осветив вкратце основные вехи биографии Хесса до его появления в Освенциме, Стайрон упоминает еще об одной зловещей фигуре – Адольфе Эйхмане [4], сотруднике гестапо, непосредственном начальнике Хесса. Именно тандемом Эйхман–Хесс был апробирован новый способ уничтожения узников концлагерей – использование паров «циклона-Б» [5]: «В 1941 году еврейская проблема стала вызывать у Эйхмана все больше раздражения –

не только из-за огромности предстоящей задачи, но и из-за чисто практических трудностей, связанных с «окончательным решением проблемы». <...> Делу помог Хесс, который, наблюдая на крысах и прочих паразитах действие паров кристаллического гидроцианида <...> предложил Эйхману производить ликвидации с помощью этого газа...» [1, 206]. Опираясь на записки Хесса, Стайрон перечисляет и иные его «заслуги»: применение миниатюрных минных полей за воротами лагеря, пропущенный через проволочные заграждения ток, появление в лагерях свирепых собак-сторожей. Таким образом, писатель не выражает сомнений в том, что Хесс действительно был изобретателен и деятелен в своем стремлении «служить рейху», он «надолго оставил след в истории, произведя существенные изменения в концепции массовых убийств» [1, 207].

Обширные цитаты из «Воспоминаний» Хесса позволяют Стайрону представить психологию преступника, убежденного в своей правоте: «...бывший обер-штурмбанфюрер пишет и пишет, оправдывая свои скотские дела тем, что они осуществлялись по приказу бесчувственных властей, по долгу службы, из слепого повиновения» [1, 208]. Цитируя фрагмент «Воспоминаний», где Хесс отдает приказ силой отправить в газовую камеру двух увлекшихся игрой детей и описывает испытанные при этом эмоции, Стайрон вводит комментарий Х. Арендт [6]: «Проблема состояла в том, чтобы совладать не столько со своей совестью, сколько с животной жалостью <...>. При этом пускался в ход трюк ... очень простой и, видимо, очень эффективный – перевернуть эти чувства и направить их на себя. Таким образом, вместо того, чтобы говорить: «Какие ужасы я творил с людьми», убийцы могли сказать: «Какие ужасы мне пришлось наблюдать при исполнении моих обязанностей, до чего же тяжкое бремя лежало у меня на плечах!» [1, 210].

Все эти весьма важные размышления и цитаты чуть позже послужат мотивировкой поступков и речей Хесса, когда от документального текста Стайрон перейдет к художественному.

Внимательное чтение рукописи Хесса позволяет утверждать, что рассказ Софи о времени, проведенном в Освенциме, по большей части основан на материале «Воспоминаний» начальника концлагеря. Рассказ героини Стайрона о жизни и работе в доме Хесса подчас едва ли не слово в слово повторяет текст самого коменданта лагеря.

Благодаря свободному владению польским и немецким языками, навыками стенографии, а также стечению обстоятельств героиня романа Стайрона некоторое время была секретаршей коменданта лагеря. На вопрос Хесса о том, как она оказалась в его доме, Софи отвечает дважды: сначала она пытается объяснить, что попала в лагерь по ошибке (как она долго считает), потом, чувствуя раздражение коменданта, рассказывает, что в бараке ее пыталась изнасиловать младшая надзирательница блока, бывшая до лагеря, как и многие ей подобные, проституткой, а старшая не только защитила Софи, но и помогла устроиться в машинописное бюро. Эта история напоминает рассуждения Хесса о том, что среди надзирательниц были те, кто по-своему сочувствовал заключенным: «хорошие женщины, достойные доверия и весьма порядочные <...>. Излишне подчеркивать, что в таких условиях и в таком окружении они страдали, но вырваться из всего этого они не могли, потому что были военнообязанными» [3].

По всей вероятности, Стайрон был введен в заблуждение этими строками рукописи Хесса, так как иные документальные источники свидетельствуют о том, что никто из надзирательниц не отличался человечностью. Тем не менее, опираясь на рассказ Хесса, Стайрон продуцирует данный сюжетный ход.

«В условиях лишения свободы люди ведут себя иначе, более странно» [1, 377], – замечает Хесс в романе Стайрона, что нисколько не противоречит послевоенным размышлениям бывшего коменданта, в «Воспоминаниях» уделившего немало места рассказу о том, что ему довелось наблюдать. Отстранившись от реальности ежеминутно творимого им зла, Хесс приводит примеры взаимоисключающих поступков разных людей. Эта мысль, правда, уже вполне доступно мотивированная, будет развита Софи, когда она попытается по-своему объ-

яснить Стинго, что происходило в Освенциме: «Люди по-разному вели себя в лагере: одни как трусы и эгоисты, другие – мужественно и красиво, все по-разному. Все. Но это было такое страшное место, этот Освенцим <...>, нацисты – они были убийцы, а если не убивали, то превращали людей в больных животных, так что если люди делали что-то не такое благородное или даже поступали как животные, это надо понимать; можно ненавидеть их за это, но в то же время жалеть, потому что ты понимал: ты тоже можешь поступить как животный» [1, 395–396]. Так устами Софи Стайрон словно отвечает Хессу, намеренно забывающему о том, как он и ему подобные планомерно уничтожали человеческое в человеке.

Однако взвалить всю ответственность за произошедшее на одного лишь Хесса не входит в намерения Стайрона, так как такой примитивный ход не только не помог бы прояснению причин функционирования концлагерей, но и послужил бы поддержкой мифа о том, что лишь на небольшой группе нацистов держалась вся система Освенцима. В связи с этим представляется необходимым в дальнейшем, следуя за Стайроном, пристальнее взглянуть в рабочий механизм концлагеря и тех, кто приводил его в движение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стайрон Уильям*. Выбор Софи: роман / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. СПб., 1993.
2. В настоящее время цифры и некоторые факты из «Воспоминаний» Хесса не считаются достоверными, так как на их автора в пору создания данного документа оказывалось давление на допросах. Тем не менее, существуют и другие свидетельства, не опровергающие суть того, что происходило за колючей проволокой. Самое красноречивое из них – существование музея под открытым небом на территории бывшего концлагеря. Помимо этого известен так называемый «Альбом Аушвиц» – визуальное свидетельство массового уничтожения евреев в лагере «Аушвиц-Биркенау»: фотографии, сделанные эсэсовцами в конце весны – начале лета 1944 года // Режим доступа: http://www1.yadvashem.org/yv/ru/exhibitions/album_aushwitz/content1.html.
3. В русском переводе: «Воспоминания Рудольфа Хесса» // Освенцим глазами СС. – Освенцим, 1975 // Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_01.
4. Стайрон называет лишь имя С. Вейль (так же как имена других мыслителей, чьи книги помогли ему приблизиться к постижению произошедшей в Европе трагедии), заставляя таким образом несведущего, но желающего получить дополнительную информацию читателя заняться самостоятельными розысками.
5. После окончания войны Эйхману удалось бежать в Аргентину, однако в 1958 г. он был похищен израильской разведкой «Моссад» и передан полиции в Иерусалиме, в 1962 г. был обвинен в преступлениях против еврейского народа, в преступлениях против человечества, в принадлежности к преступным организациям и казнен.
6. «Циклон-Б» или цианистый водород – один из самых быстродействующих ядов, использовался по большей части для борьбы с вредителями и производился в первой половине 1940-х гг. концерном «И. Г. Фарбениндустри» в так называемом «Аушвице III».
7. Ханна Арендт (1906–1975) – немецко-американский философ, историк, политолог, основоположник теории тоталитаризма. Одна из ее работ была написана по итогам процесса над Эйхманом: *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, 1963 (русский перевод: *Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. М., 2008).

Окончание следует